

НАДПИСИ АРТАКСИЯ (АРТАШЕСА), ЦАРЯ АРМЕНИИ

Проф. А. Борисов

I

Среди памятников армянских древностей, хранящихся в Государственном музее Армении (Ереван), совершенно особое место занимают две каменные стелы, покрытые необычными для Армении письменами древнеарамейского типа. Однако, несмотря на всю их неожиданность для местностей к северу от Арарата—как, впрочем, и для области Ванского озера,—эти стелы были обнаружены на исконной армянской территории, в окрестностях озера Севана, в нынешнем Нор-Баязетском районе.

Обе стелы высечены из серого камня и первоначально имели одинаковую форму—грубо обтесанной толстой плиты, разделяющейся в верхней части на три тупых округлых зубца; в настоящее время эту форму сохранила лишь одна из стел (выс. 42, шир. 30, толщ. 16—20 см), открытая в 1906 г. Е. Лалаяном; вторая же плита (выс. 42, шир. 23, толщ. 21 см), найденная в 1932 г. С. Бархударяном, была обнаружена в поврежденном виде—с отбитым правым краем.

Лицевая поверхность обеих стел покрыта крупными письменами (средняя высота букв ок. 4 см), причем на каждом камне явственно различимы—полностью или частично—лишь четыре строки текста; что же касается пятой строки, то на большей стеле она оказалась почти полностью срезанной нижним краем камня, на второй же стеле от нее сохранилась всего лишь одна буква, тогда как все остальное бесследно стерлось.

Серьезных попыток прочесть надписи на описанных стелах до последнего времени, насколько мне известно, предпринято не было. Е. Лалаян послал фотографию с обнаруженного им камня одному из европейских специалистов, но, повидимому, не получил ответа. Позднее, в 1933 или 1934 г., С. Бархударян послал одновременно фотографии с обеих стел ленинградским специалистам и в Париж—Х. Перперяну. Полученные ответы сводились к следующему: надписи на севанских стелах начертаны арамейскими письменами, однако язык, на котором они средактированы, не может быть отнесен к арамейским диалектам, являясь, повидимому, местным языком области, на территории которой возникли данные памятники. К этому Х. Перперян счел возможным добавить, что первая строка большей стелы содержит имя Артаксеркса. Все эти данные были опубликованы С. Бархударяном в специальной статье, появившейся в 1935 г. Опираясь на наличие имени Артаксеркса и на поверхностное сближение письма камней с письмом египетско-арамейских памятников, С. Бархударян относит стелы к ахеменидскому времени, высказывая при этом

предположение, что язык их надписей является наречием народа утиев (нынешние удины), якобы обитавшего в древности в области Севанского озера¹. Однако попытка прочесть севанские надписи по-удински не дала никаких результатов: автору этой попытки, А. Пайазату удалось с помощью таблицы арамейских букв, составленной Х. Аджаряном, правильно опознать четыре знака, но остальные буквы были им прочитаны совершенно ошибочно, и это, в соединении с искусственными и фантастическими толкованиями, привело автора к совершенно неправильным выводам².

Впервые я ознакомился с севанскими стелами в 1934 г., когда в мои руки попали их фотографические воспроизведения—к сожалению, весьма малых размеров: памятники уменьшены на них более чем в 25 раз. Само собою разумеется, что на основании подобных воспроизведений можно было лишь констатировать общий древнеарамейский облик надписей. Впрочем, в первой строке большей стелы я попытался прочесть начало имени Артаксеркса, однако дальнейшие знаки имели, как мне тогда показалось, неподходящие для конца этого имени начертания, и я предпочел воздержаться от высказывания каких-либо догадок. Х. Перперян (впрочем, по имеющимся у меня некоторым изустным сведениям, парижская попытка прочесть севанские надписи принадлежит, собственно, не Х. Перперяну, как сообщает С. Бархударян, а известному французскому кунеологу Тюрю-Данжену) поступил более смело, но именно эта смелость и игнорирование необычайного окончания прочитанного им имени повлекли за собою совершенно неправильный, как будет ясно из дальнейшего, вывод: отнесение надписей к ахеменидскому времени. Для обоснованной дешифровки надписей нужно было иметь либо фотографии крупного размера, либо, что еще надежнее, эстампажи. Последние после длительных хлопот мне удалось получить, благодаря чему в чтении надписей мною были достигнуты ощутительные результаты.

II

Письмо севанских стел, несмотря на грубую неуклюжесть его буквенных начертаний, обнаруживающую малоопытного писца, со всей определенностью должно быть признано древнеарамейским письмом в той его форме, которая характерна для памятников ахеменидского и эллинистического времени. При этом, если мы сравним общий графический стиль севанских надписей со стилем египетско-арамейских памятников ахеменидского времени³, написанных выработанным, достаточно беглым письмом, порою приближающимся к письму знаменитых элевантинских папирусов, мы будем принуждены констатировать существенное различие двух сравниваемых стилей. Пошиб севанских надписей совершенно совпадает с графической спецификой письма, характерного для арамейских памятников, найденных на территории Малой Азии: даже лучшие из этих

¹ Все эти данные заимствованы мною из статьи С. Бархударяна, *Յերկու արամեանական արձանագրութիւնն*, напечатанной в 1935 г. в сборнике: *Նժուլեբ Իհն Իւմաստանի պատմագիտի*. Ни в какой мере не владея армянским языком, для ознакомления с данными этой статьи, как и других работ армянских ученых, я принужден был прибегнуть к помощи товарищей-арменистов, которым считаю долгом выразить горячую признательность. При описании стел я опирался не только на сведения, находящиеся в статье С. Бархударяна, но и на имеющиеся в моем распоряжении фотографии и эстампажи.

² Заметка А. Пайазата помещена на стр. 217—219 того же сборника, в котором напечатана и использована мною статья С. Бархударяна (см. сноску 1).

³ Я имею в виду Мемфисскую стелу 482 г. до н. э., надпись из Карпантра (Carpentras) и так называемую Ватиканскую стелу.

надписей отличаются угловатым и несколько неуклюжим письмом, совершенно лишенным изящества египетско-арамейских стел. Таким образом, я думаю, мы едва ли ошибемся, если отнесем севанские надписи к группе малоазийских памятников древнеарамейского письма.

Как известно, группа эта пока еще очень немногочисленна; общее число ее памятников в настоящий момент, насколько мне известно, не достигает и десятка, и потому вполне понятно, что обнаружение двух новых надписей этой группы является немалым приобретением для науки. Известные нам малоазийские арамейские надписи охватывают период времени от V в. (впрочем, один из старейших памятников—легенда на «львиной гире» из Абидоса—быть может, восходит еще к VI в.)¹ до II в. до н. э. Из ахеменидских памятников малоазийской группы наиболее интересна арамейско-лидийская билингва, обнаруженная Э. Литманом в Сардах и датированная десятым годом царствования Артаксеркса (455 или 394 г. до н. э.)²; из остальных интереснейшими являются отнесенные М. Лидбарским ко II в. до н. э. и еще не вполне разъясненные надписи из Арабиссона (Киликия), открытые в 1895 г. Я. И. Смирновым и вызвавшие оживленную научную полемику по вопросу о том, рассматривать ли их по языку как арамейские или как пехлевийские³.

Известные до настоящего времени малоазийские арамейские надписи обнаружены в следующих областях Малой Азии: в Мидии, Лидии, Ликии, Киликии и, наконец, в Малой Армении (Armenia Minor). В последней области была в 1900 г. обнаружена греко-арамейская билингва, греческий текст которой сохранился вполне удовлетворительно, тогда как от арамейского дошли до нас лишь жалкие остатки.

Из всего сказанного явствует, что севанские стелы являются самыми восточными из обнаруженных до настоящего времени арамейских надписей малоазийской группы. Что же касается их датировки, то, оставаясь в пределах малоазийской группы, их весьма затруднительно было бы отнести к числу памятников ахеменидского времени: взяв, для примера, хотя бы «охотничью надпись» из Киликии, палеографически датируемую V—IV вв. до н. э.⁴, мы найдем в ней архаические начертания ряда буквенных знаков, имеющих в севанских надписях значительно более позднюю форму. Письмо севанских стел по его палеографическим особенностям весьма сходно, даже почти тождественно с письмом упомянутых надписей из Арабиссона, отнесенных, как было сказано, ко II в. до н. э. Во всяком случае, отличия от начертаний арабиссонских надписей, наблюдаемые в севанских стелах, все без исключения должны быть признаны еще более поздними буквенными формами. Так, горизонтально лежащий *шин* севанских стел не встречается в столь чистой его форме ни в арабиссонских надписях, ни в более ранних памятниках, тогда как его можно изйти, например, на палестинских еврейских оссуариях, эпитафии на которых написаны уже так наз. «квадратным» письмом⁵. Равным образом, более поздним является и *самех*, судя по его упрощенной форме сравнительно с формой этой буквы в арабиссонских текстах; должен, однако, заметить, что *самеха* такой формы, как на севанских камнях, мне среди опубликованных надписей найти не удалось, и потому я лишен возмож-

¹ CIS, II, 108; M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemītischen Epigraphik, II, табл. XXVI, 1.

² Sardis, Publication of the American Society for the Excavation of Sardes, VI, I, 1916, стр. 23 сл.

³ M. Lidzbarski, Aramäische Inschriften aus Kappadokien, «Ephemeris für semītische Epigraphik», I, 59 сл., 319 сл.

⁴ M. Lidzbarski, Handbuch, I, 446, II, табл. XXVI, 3.

⁵ M. Lidzbarski, Handbuch, II, табл. XLIII, 5.

ности привести для него аналогии. Своеобразной формой отличается в севанских надписях и форма буквы *йод*, также нигде более мною не отмеченная. Во всем же остальном начертания севанских стел столь сходны с начертаниями арабиссонских надписей, что, опираясь на авторитет крупнейшего знатока семитической эпиграфики М. Лидзбарского, мы смело можем принять для интересующих нас памятников установленную названным ученым дату арабиссонских камней—II в. до н. э., тем более, что, как выяснится из дальнейшего, содержание наших надписей не только не противоречит этой дате, но прямо подтверждает ее.

III

Исходя из буквенных начертаний древнеарамейских надписей малоазийской группы и, в первую очередь, как было сказано, из арабиссонских памятников, текст севанских стел можно прочесть без особенного труда. Сообщаю этот текст в двойной транскрипции: 1) еврейским квадратным письмом в направлении справа налево, согласно направлению знаков подлинного текста наших надписей, и 2) латинскими прописными буквами в направлении слева направо, т. е. в нормальном порядке латинского письма.

Вот текст севанских стел:

1. Большая стела.

.1 א ר ת ה ש ס י	' R T H Š S J
.2 מ ל כ ב ר ז י	M L K B R Z J
.3 ז ר י ת ר	Z R J T R
.4 ר ו נ ד כ נ ה ל ת	R V N D K N H L T

2. Маленькая (фрагментированная) стела с частично восстановленным на основании большей стелы текстом:

.1 א ר] ת ה ש ס י	' R] T H Š S J
.2 מ ל] כ ב ר ז י	M L] K B R Z J
.3 ז ר] י ת ר ח ל [?]	Z R] J T R H L [?]
.4 ב י נ // // //	// // // B J N // // //
.5 י // // //	— — — J — — —

Первые три строки текста (в большей стеле полностью, в меньшей за исключением последних знаков) не вызывают сомнений в отношении своего содержания и могут быть поняты и комментированы без труда.

1. Первое слово 'RTHŠSJ следует, снабдив гласными, читать Artaxš(a)sī или Artaxš(a)se; это, конечно, не что иное, как известное ахеменидское царское имя Artaxšatrā-'Αρταξέρξης-Артаксеркс, однако необычное окончание, столь поразившее меня еще при моем первом знакомстве с севанскими надписями, показывает, что здесь мы имеем дело с особой формой этого имени, отличной от основной (ахеменидской) его формы. Едва ли можно сомневаться в том, что имя Artaxš(a)sī есть то самое имя, которое сохранено нам греческими писателями в эллинизированной форме: 'Αρταξίας-Артаксий. В самом деле, отбросив у этого последнего имени его греческое окончание -ας мы получим форму 'Αρταξι, которая

до малейших деталей соответствует имени, находящемуся в первой строке севанских надписей, принимая во внимание, что ξ передает неудобопроизносимое для грека звуковое сочетание χξ. Отожествляя Artaxš(a)si и 'Αρταξίης, мы тем самым устанавливаем и то лицо, о котором говорится в севанских надписях и которое, несомненно, соорудило обе стелы: это — Артаксий, первоначально сатрап Селевкидов, а затем, после битвы при Магнесии (189 г. до н. э.), самостоятельный правитель Восточной Армении с царским титулом; он умер ок. 160 г., положив основание армянскому государству, которое, собственно, именно с него начинает свое действительное историческое существование.

Об этом родоначальнике армянской царской династии Арташесидов (или Арташидов) нам, к сожалению, известно очень немного¹, да и то, в основном, из скудных известий античных авторов (главным образом, Страбона); средневековая армянская историческая традиция, восприняв образ этого царя, значительно переработанный народным эпическим преданием, ошибочно связала этот образ с личностью Арташеса II (Моисей Хоренский). И по армянской традиции и по словам античных писателей, Артаксий утвердил свою власть лишь после жестокой борьбы с местным правителем Оронтом ('Ορόντης античных писателей, Еруанд армянских историков). Приурочить севанские стелы к Артаксию мы можем с тем большим основанием, что палеографически они, на основании сравнения с арабиссонскими надписями, датируются, как было сказано, именно II в. до н. э. Дальнейшие строки текста еще более утверждают нас во всех наших выводах.

2. Слово MLK читается: melek — «царь». Данная форма слова, с точки зрения нормальной арамейской грамматики, может рассматриваться двояким образом: либо как «неопределенное» или «абсолютное» состояние имени существительного (*status indeterminatus sive absolutus*), в котором оно должно быть понято как «некий царь» или «царь вообще»; либо как «сопряженное» состояние (*status constructus*), в котором имя существительное может стоять лишь тогда, когда непосредственно за ним следует определяющее его другое имя существительное. В данном случае классический арамейский язык требовал бы употребления «определенного» или «эмфатического» состояния имени существительного (*status determinatus sive emphaticus*), выражающегося окончанием -ā : (malkā') = «данный царь», «определенный, известный царь». Мы должны, следовательно, отметить в нашем тексте некоторое отступление от основных правил арамейской речи, однако это же самое отступление систематически встречается и в открытых среди некрополя древних грузинских правителей в Мцхете двух арамейских (или пехлевиийских?) надписях I—III вв. н. э. Итак, из первого слова второй строки мы узнаем, что названный в первой строке Artaxš(a)si был царем, что окончательно решает вопрос в пользу отождествления его с Артаксием античных писателей. Вопрос о том, имел ли Артаксий царский титул, еще будучи селевкидским сатрапом, до 189 г., или же присвоил его, лишь отложившись от Селевкидов, — следует предоставить компетенции историков Армении.

Второе слово второй строки надписи — BR читается: bar и по-арамейски означает: «сын». Это слово, написанное на обеих стелах характерной лигатурой, встречающейся и в упомянутой клинковой «охотничьей надписи», стоит здесь в форме «сопряженного» состояния (*status constructus*), вполне нормальной для данного контекста. Однако, ожидая непосредственно после слова bar имя собственное (отца), мы находим в нашем тексте сло-

¹ Все сведения о нем собраны и резюмированы в труде Я. А. Манандяна о Тигране Великом.

вечко—ZJ арамейскую частицу родительного падежа (nota genitivi), по правилам классического арамейского языка здесь совершенно излишнюю: эта частица, по арамейской грамматике, ставится лишь тогда, когда предшествующее ей имя существительное находится либо в соединении с местоименным суффиксом, либо в status emphaticus (в данном случае — brā'). Писец, следовательно, спутал два различных состояния имени существительного, результатом чего явилось двойное (плеонастическое) выражение родительного падежа (через status constructus и nota genitivi одновременно).

3. Третья строка большей стелы содержит пять буквенных знаков, составляющих, судя по предшествующим двум словам, только что нами объясненным, не что иное, как имя отца царя Артаксия, что должно представлять для нас немалый интерес, так как это имя не известно нам ни из каких других источников.

Принимая во внимание, что в арамейском письме звуки d и r передаются одним и тем же знаком, согласный остов имени, содержащегося в третьей строке большей стелы, может быть прочитан следующими четырьмя способами: 1) ZD JTD, 2) ZD JTR, 3) ZR JTD и, наконец, 4) ZR JTR. Я отбрасываю первые три начертания и останавливаюсь на четвертом чтении (не берясь, впрочем, решить вопрос о гласных этого имени и условно произнося его как Zariṭr или Zaritar) главным образом потому, что оно, на мой взгляд, поразительным образом отвечает эллинизированному ирано-армянскому имени *Zariadrēs*. Как известно, это имя употреблялось в Армении именно во времена Артаксия; мы знаем, что Зариадром звали селевкидского сатрапа, одновременно с Артаксием основавшего самостоятельное царство в Софене¹. Само собою разумеется, что на севанских стелах арамейским письмом передан согласный остов имени *Zariadrēs* в той его форме, которая была живой при Артаксии—с глухим t, озвонченным в греческом варианте (d). Что же касается огласовки этого остова, то мне кажется, что едва ли можно читать Zariatr, так как в таком случае в согласном остова имени, по закону арамейской (и вообще семитической) орфографии, между J и T стояло бы еще горланное придыхание a l e f, и все имя тогда имело бы следующий вид: ZR J' TR. Впрочем, здесь может иметь место отступление от семитических орфографических норм, едва ли педантически соблюдавшихся не-арамейскими писцами, и тогда произношение Zariatr может быть признано все-таки правильным. Таким образом, из третьей строки севанских стел мы можем с значительной долей вероятности установить, что отец Артаксия носил имя Зариадра.

Итак, в трех первых строках мы читаем: «Артаксий царь, сын Зариадра».

Что же касается последней из сохранившихся, т. е. четвертой строки большей стелы, то она при полной отчетливости буквенных начертаний, написанных без разделения слов сплошным рядом (scriptio continua), не дает, если оставаться на почве арамейского языка, никакого смысла. Ясно лишь одно: после имени Зариадра отсутствует царский титул, и это указывает на то, что Артаксий получил царское достоинство не по рождению, а сам добился его, т. е. был основателем династии, что вполне совпадает с теми данными, которые имеются о нем у античных авторов. Мне кажется, что после имени Зариадра текст надписей, оставаясь на почве арамейского письма, переходит с арамейского языка (или, по крайней мере, арамейских слов) на какой-либо местный язык—вероятнее всего, на армянский или же на иранский. Выше приводилось мнение крупнейшего знатока семитической эпиграфики М. Лидзбарского, считавшего

¹ Об этом также сообщает Страбон (XI, 14, 5).

возможным предположить в остатках арамейских писем, обнаруженных в Малой Армении, памятник персидского или армянского языка. Не-арамейский состав четвертой строки едва ли может вызвать, мне кажется, какие-либо серьезные сомнения. Что же касается меньшей стелы, текст которой дошел в худшем виде, то и здесь картина, повидимому, та же, хотя три буквы, единственно сохранившиеся в четвертой строке VJN^1 если их рассматривать как отдельное целое слово, могут быть поняты как арамейское ben «между, среди».

Если принять, что четвертая строка надписи содержит не арамейский, а армянский, иранский или какой-либо иной текст, то станут понятны и те погрешности против арамейской грамматики, которые были отмечены нами в тексте второй строки. Арамейские слова, являющиеся здесь остатками прежней эпиграфической традиции, сохраненными для большей торжественности в имени и титулатуре царя, могут быть вместе с тем рассматриваемы как гетерограммы. Как известно, подобные гетерограммы, т. е. слова, писавшиеся по-арамейски, но произносившиеся по-ирански, играли большую роль в так называемой пехлевийской письменности, господствовавшей в Иране при Аршакидах и Сасанидах. Вместе с арамейским алфавитом арамейские гетерограммы из аршакидского Ирана были заимствованы согдийцами, а если принять во внимание недавно осуществленную дешифровку хорезмийских монет, то, повидимому, и хорезмийцами. Исторически вполне возможно предположить, что и армянские цари, употребляя на монетах, по образцу большинства восточных эллинистических правителей, греческий алфавит, для внутренних нужд применяли—или только пытались применить—арамейское письмо, приспособив его к своему языку и заимствовав вместе с ним известное число арамейских слов, употреблявшихся идеографически. Последнее предположение представляется мне тем более соблазнительным, что все арамейские слова, встречающиеся на севанских стелах, существуют в пехлевийской письменности в качестве гетерограмм: $malka$ —для слова $\bar{s}ah$ («царь»), bag —для слова pus («сын»), zi —для относительного местоимения или частицы родительного падежа (так называемое *изафет*) и, наконец, ben —для наречия $andar$ («среди», «в»). Какой язык лежит в основе текста севанских стел, надлежит решать арменоведом и иранистам. Весьма возможно, что на основании двух наших надписей, до обнаружения новых данных, этого вопроса разрешить не удастся, так как едва ли можно сделать существенные выводы из одной лишь строки. Выскажу лишь свое предположение относительно разделения слов в четвертой строке: сплошной ряд букв— $RVNDKNHLLT^2$ следует, как мне кажется, разделить на две группы, рассматривая три последних знака— $HLLT$ как отдельное слово. Хотя значение этого слова мне неясно, я считаю возможным отделить его от остальных букв, исходя из того, что в третьей строке меньшей стелы непосредственно после имени Зариадра стояло, вероятно, это же слово, от которого сохранились лишь два первых знака.

Что касается остальных буквенных знаков четвертой строки, то мне представляется, пусть лишь гипотетически, возможным рассматривать их как одно слово, именно—как пехлевийское $rawandakān$ = «идущие»,

¹ Знак, стоящий перед V , в значительной своей части разрушен, но, судя по его остаткам, не может быть отождествлен ни с одним из буквенных знаков, прочитанных *изко* на обеих стелах.

² Помня, что R и D передаются одним и тем же знаком, мы этот ряд букв можем прочитать также следующими способами: $DVNDKNHLLT$, $DVNRKNHLLT$, $RVNRKNHLLT$.

«проходящие»¹. От правильной расшифровки четвертой строки зависит и определение назначения севанских стел: являются ли они пограничными знаками, или путевыми столбами, или поставлены в ознаменование каких-либо особых событий. Если предположенное мною чтение rawandakān будет в дальнейшем подтверждено, то «дорожный» характер севанских стел станет весьма вероятным. Во всяком случае сейчас можно сказать лишь одно: стелы с подобным текстом никак не могут являться надгробными памятниками, как их рассматривал С. Бархударян, основываясь на словах поселян, согласно которым большой камень был обнаружен вместе с человеческими скелетами².

Итак, из всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Севанские стелы являются одними из древнейших (если не древнейшими) в Армении царских надписей; они сооружены основателем армянского государства Артаксесом, или Арташесом I во II в. до н. э.

2. Из надписей на севанских стелах мы узнаем подлинную старую форму имени Артаксия, известную нам до сих пор лишь в греческой и средневековой армянской передаче, а также имя отца Артаксия; Зариадра, никакими другими источниками не сохраненное.

3. Севанские стелы показывают, что древнейшие цари Армении пользовались, наряду с греческим письмом, находимым нами на монетах и на некоторых надписях, также древнеарамейским письмом в той его форме, которая существовала в Малой Азии еще со времени Ахеменидов.

4. Наконец, надписи на севанских стелах дают нам возможность поставить вопрос об использовании древними армянскими царями для внутренних нужд пехлевийского языка в современной им форме или же о создании ими на армянском языке письменности по образцу пехлевийской, с применением арамейских гетерограмм.

В заключение считаю нужным отметить, что настоящая статья в деле изучения севанских стел является первым, самым предварительным шагом.

¹ Причастие от глагола raftan. Если допустить, что мы имеем здесь дело с пехлевийским текстом, то и ZJ может быть понято как и з а ф е т, и тогда BR ZJ ZRJR следует вполне закономерно читать: rus i Zaritr. Впрочем, предоставляю иранистам решать, возможен ли был и з а ф е т в том наречии пехлевийского языка, которое могло употребляться в Армении при Арташесе.

² Заимствую сообщение из вышеназванной статьи С. Бархударяна.